

“Хмель солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
А на груди его свѣтилась
Медаль “за город Будапешт”.

Герой поэмы “Дом у дороги” принимается за труд, снова становится земледельцем, но его побуждает к этому не радость побѣдителя, а горечь и отчаяніе раба, который примирился с тѣм, что мечта о свободѣ, об обновленной жизни навѣки заколочена в гроб.

Неужели русский солдат “завоевал” в этой войнѣ вѣчную скорбь и вѣчную горе? Неужели он не достоин лучшей участи? — вот о чем думает Твардовскій.

В романѣ Вѣры Пановой “Кружилыха” — два героя: директор завода, генерал Листопад и предѣлатель заводскаго комитета, Уздечкин. Жизнь и дѣятельность одного противопоставлена жизни и дѣятельности другого.

Уздечкин — бѣдняк и горемыка. Во время войны у него умерла жена. Заботиться о дѣтях должен отец. Уздечкин сам стирает бѣлье, сам готовит обѣд, — урывая для этого время от работы, в которую он погружен по горло. Уздечкин бѣдно одѣт, денег у него мало. Перебиваться с хлѣба на квас до самой смерти — таков удѣл этого человека.

Зато генерал Листопад живет так, как хочет. У него шикарная квартира, элегантныя женщины, свой автомобиль. (Собственный автомобиль — для совѣтскаго человека — недосыгаемая “роскошь”).

Панову удручает, что сам Листопад не чувствует никаких угрызений совѣсти перед Уздечкиным. По его мнѣнію, так и должно быть: неудачники пусть прозябают; тѣ, кому жизнь улыбнулась — пусть благоденствуют.

Можно ли совмѣстить такой зоологическій эгоизм и искреннюю вѣру в коммунизм? В совѣтской Россіи жизнь немногочисленных партійных чиновников и их нахлебников, претендующих на болѣе или менѣе привилегированное положеніе в обществѣ, рѣзко отличается от унылой и тягостной жизни — вѣриѣ от прозябанія — средняго человека... Панова считает, что такое положеніе разрушает в народном сердцѣ вѣру в коммунизм... Всѣ тягости созиданія новаго міра должны быть равномерно распределены и среди тѣх, которые командуют и среди тѣх, которыми командуют.

Герои пьесы А. Гладкова “Новогодняя Ночь” — совѣтскіе авіаторы. В ночь по Новый год они крѣпко выпили и послѣ того, как у них ослабли задерживающіе центры, принялись ругать послѣвоенный совѣтскій режим. Офицеры, которые одолѣли врага, не могут спокойно смотрѣть на то, что государство обманывает народ, разрушает общенародныя надежды на перерожденіе жизни послѣ войны. Армія обязана принять участіе в управленіи государством.

Когда участники пирушки протрезвились, они сами пришли в ужас от собственной смѣлости, от того, что говорилось ими только что минувшей ночью. Авіаторы наперебой пытаются смягчить впечатлѣніе от своих же — необычайно смѣлых — сужденій. Но, “что у трезваго

на умѣ, — то у пьянаго на языкѣ”. Зритель не вѣрит в искренность раскаянія участников новогодней попойки.

***

Постановленія ЦК ВКП (б) о журналах “Звѣзда” и “Ленинград” и пресловутый доклад Жданова в августѣ 1946 года были восприняты совѣтской критикой, как сигнал для атаки на объективный натурализм, причем атака эта рассчитана не столько на разгром обличителей, сколько на то, чтобы заставить их отказаться от собственных чувств и дум, принудить их к капитуляціи перед волей большевистской партіи.

— Зачѣм дѣлать из писателя мученика, когда из него можно сдѣлать лакея? — таков принцип Лавренція Берія.

Повѣсть Козакевича “Двое в степи” подвергнута рѣзкому осужденію. Конференція читателей, организованная газетой “Труд”, нападает на Вѣру Панову, обвиняя ее в “надругательствѣ над реализмом”, в “искаженіи совѣтской дѣятельности”. Пьеса “Новогодняя ночь” снимается с репертуара.

Началось медленное и мучительное угасаніе объективнаго натурализма. Жизненная правда была заколота штыками! Совѣтская литература вернулась к предвоенной лжи.

Вяч. Завалишин.

ПИСАТЕЛЬ И КРЕТИНЫ.

Впервые стремленіе “написать” шевельнулось у И. А. Бунина в восьмилѣтнем возрастѣ под впечатлѣніем картинки, на которой был изображен кретин. И самое изображеніе, и неизвѣстное слово поразили воображеніе будущаго писателя и на всю жизнь запали в его душу. “Во всей моей дальнѣйшей жизни пришлось мнѣ имѣть не мало и своих собственных встрѣч с крестинами”... читаем мы на первых страницах, вышедших отдѣльным изданіем, воспоминаній Бунина. Написаны они, конечно, с большим мастерством и читаются с огромным интересом.

Весьма своеобразен, однако, подход автора к своим современникам, и психологическое обоснованіе такого своеобразія, пожалуй, приходится искать в запавшем в душу автора упомянутом крестинѣ. Этого крестина ищет он в том или ином видѣ в каждом... И при чтеніи “Воспоминаній” к большому интересу примѣшивается, чѣм дальше, тѣм больше какой-то горечи — горечи за автора, с восьмилѣтняго возраста живущаго с образом крестина в душѣ.

Нѣсколько слов о своем дѣтствѣ в “оскудѣвшем” дворянском гнѣздѣ заставляют его зло обрушиться на Чехова драматурга и на Моск. Художественный театр, ставившій пьесы Чехова — не дворянина по происхожденію и потому неспособнаго изобразить бытъ дворянских гнѣзд. Даже красавица вишня в цвѣту под сердитую руку оказывается безобразной, совсѣм “не чудесной”. Достается Бальмонту, Гумилеву... но вот подвернулся Есенин — “чѣм восторгается в

нем эмиграція? лирикой мошенника, который свое хулиганство уже давно сдѣлал выгодной профессіей"... Так от "кретина" к "кретину" добирается Бунин до многолѣтних друзей своих — до Горькаго, который поставил ставку на "босяцкій пролетаріат", и с которым Бунина все-таки связывала какая-то "странная дружба", до тѣх, кто легко "смѣнил вѣхи". Эти "новые" — от Горькаго с его болѣзненной страстью к изломанному языку, от "запойнаго трагика" Андреева, "буйнѣйшаго пьяницы" Бальмонта, "сына мелкаго московскаго купца" Брюсова — "морфиниста и эротомана", до "кирпича в сюртукѣ" Сологуба и "обезьяньих неистовств" Бѣлаго, до кощунств Блока... и особенно Вабеля — эти "новые" "правда — по словам Бунина — почти все были "жулики" и "здоровенные мужики"... Число их в послѣдствіи увеличилось, и стали они называться футуристами... все они были "юроды". И Бунин, их многолѣтній друг, проводившій с ними немало дней и ночей, подробно распространяется об их юродствѣ, кретинизмѣ, о "силах" же их, которыя "и впрямь велики", едва обмолвился словечком — в поисках "кретина" он не интересуется другой стороной, и из-под его пера выходят односторонніе образы, а читатель с недоумѣніем спрашивает себя, какую же радость, какую цѣнность находит автор в дружбѣ с этими "кретинами".

Непріятно читать страницы, посвященныя А. И. Куприну. С ним тоже в пріятельствѣ был Бунин. С кѣм только он не был другом! И вот, говоря о пріятелѣ, о Купринѣ-писателѣ, ничего лучшаго не нашел Бунин, как привести на нѣскольких страницах то "многое", что "задѣвало" его, то, что он, Бунин, тщательно выписывал из каждаго, вновь появляющагося, произведенія Куприна, выписывал, как "пошлыя выраженія", "пошлый ритм предложеній" и т. д. Подчеркнуто нарочито все, что отгалкивает его в творчествѣ Куприна и так мало говорится о своеобразной прелести этого творчества.

Бунин негодует на поэтов, подлаживавшихся в своей поэзіи сперва под революцію, затѣм под большевиков. Впрочем, это не мѣшало ему самому участвовать в Горьковских и иных изданиях.

Непрезойденнаго на поприщѣ подлаживанія кретина Маяковскаго Бунин рисует во весь рост в особой главѣ. Стоит ли такой чести Маяковскій — кретин из кретинов по Бунинской характеристикѣ? Впрочем, не одного Маяковскаго, но и столь же отвратнаго А. Толстого ("Третій Толстой") удостоил автор цѣлой главы. И что в высшей степени удивительно, так это близость, возникшая между Толстым и автором: охарактеризовавъ Толстого, как сочетаніе "рѣдкой личной безравственности"... "с рѣдким талантом", Бунин пишет: "он быстро дружил съ подходящими ему людьми, и потому послѣ двух, трех встрѣч со мной уже смѣялся". Он совѣтовал Бунину мошенничать: "Все мошенничают, дорогой мой!" Дружественныя отношенія продолжались долго и не прервались даже тогда, когда Толстой ухитрился продать "за 18 тысяч франков свое несуществующее в Россіи имѣніе и вынул глаза, рассказывая мнѣ об этом: — "Понимаете, какая дурацкая исторія вышла: ...вдруг спрашивают: а гдѣ же находится это имѣніе? Я было заметался, как сукин сын, не зная, как соврать, да, к счастью, вспомнил комедію "Каширская Старина" и быстро говорю: в каширском уѣздѣ, при деревнѣ Порточки... И, сла-

ва Богу, продал!" Жили мы с Толстым в Парижѣ особенно дружно, встрѣчались с ним часто"... и пировали за счет проданнаго "имѣнія"... продолжает эпически спокойно свое повѣствованіе автор. Что это? Великому человѣку все дозволено, — как считает Ф. Степун, — не нам судить Бунина. Нѣтъ, — кому много дано, с того много и спросится. Читая об этой дружбѣ с Толстым, читая дальше о встрѣчѣ с ним же, уже продавшимя большевикам и хваставшим награбленным добром, о том фужерѣ шампанскаго, которым была вспрыснута эта встрѣча в 36-м году, невольно спрашиваешь себя, кто же дал право Бунину, позже вхожему в сов. Полпредство, судить других со всей высоты своего "незапятнаннаго морально величія"...

Внесем в заключеніе нѣсколько фактических поправок в особеніи стоящій в вереницѣ воспоминаній маленькій очеркъ о П. А. Кропоткинѣ. "В молодости", говорит Бунин, "он был одним из самых приближенных к имп. Александру II, затѣм бѣжал в Англію"... и т. д. Если бы И. А. потрудились, набрасывая эти строки, заглянуть в упоминаемыя им ниже "Записки революціонера", он увидал бы, что П. А. Кропоткин никогда "одним из самых приближенных" не был, хотя бы в силу того, что он был ровесником сыновей Александра II. В качествѣ кадета Пажескаго корпуса он нес обязанности пажа во дворцѣ на выходах и, будучи фельдфебелем, на воскресных разводах докладывал царю: "по ротѣ Пажескаго корпуса все обстоит благополучно". По окончаніи корпуса, выходя офицером в Амурскій конный казачій полкъ, он с другими произведенными выслушал наутствіе Александра II — этим и ограничились его "отношенія" с императором, котораго он никогда больше не видал. Можно, правда, еще добавить, что восьмилѣтним мальчиком, попав случайно во дворец на костюмированный бал, Кропоткин крѣпко заснул, склонив голову на колѣни супруги Александра II, тогда наследника, Маріи Александровны, которая, чтобы не разбудить ребенка, просидѣла неподвижно весь вечер. За границу Кропоткин бѣжал через 9 лѣтъ по окончаніи корпуса, проведя их в Сибирі, в Петербургѣ и в Петропавловской крѣпости.

В описаніи послѣдних дней Кропоткина Бунин сильно стусил краски, да и назвать, как он это дѣлает, Бонч-Бруевича, устроившаго свиданіе Кропоткина с Лениным, "рѣдким даже среди большевиков негодяем" — никак не приходится: Бонч скорѣе принадлежал к "ручным" большевикам среди старой гвардіи, — он мошенничал в свой карман, но головами не играл.

П. Степанова.

ПОБОЛЬШЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

В. А. Оболенскій помѣстил в "Народной Правдѣ" три историческія справки "из недавняго прошлаго". Он рассказал, на основаніи слышаннаго им от бывш. московскаго городского головы М. В. Челнокова, как имп. Александра Федоровна во время первой міровой войны играла роль активной пособницы нѣмцев. Разсказ Челнокова, состоявшаго предсѣдателем морскаго судѣла Комиссіи Государственной Обороны, базировался на данных, которыя он получил в свое время от морскаго министра адм. Григоровича. По словам послѣдняго Государь